

Про любовь к детям

Валагин А.

Этот очерк посвящен тем произведениям А.П.Чехова, в которых главные герои — дети. Три рассказа и одна повесть...

О детских годах самого Чехова его старший брат Александр писал: «Ребенком он был несчастный человек». Антон Павлович, вспоминая детские годы в родительском доме, был шутливо ироничен: «Разница между временем, когда меня драли, и временем, когда перестали драть, была страшная».

Самый добрый, веселый и радостный (по тону и смыслу) детский рассказ Чехова — конечно же, «Детвора». Дети играют в лото поздним вечером, ожидая возвращения родителей из гостей. Им — от пяти до девяти лет. Они охвачены нешуточным азартом, тем более что играют на деньги: «Посреди стола белеет блюдце с пятью копейками».

(Ах, лото, лото! Игра многих поколений двух предыдущих веков. Семейная игра небогатых дворянских усадеб, городских домов и далее по времени — коммунальных квартир, дворики южных городов; игра родных и соседей, ставших родными. Денежные ставки каждого уравниваются нищетой всех — и игра, оставаясь азартной, избавляется от неприличия больших выигрышей. Игра, столь же непредставимая в компьютерном веке, как девственность — в ночном клубе. И подумалось вдруг: ежели действительно, как предрекал поэт, «пробьет последний час природы» — ждатель, похоже, осталось недолго — и очередной богоизбранный Ной начнет собирать пожитки, парную живность и все необходимое, чтобы отправиться туда, где сходятся концы и начала, — пусть возьмет с собой лото, игру городского плебса, игру героев Чехова, игру Homo vulgaris — человека обыкновенного. Пусть возьмет — не пожалеет.)

Дети не просто играют в лото. Они, оставшись без родительской опеки и пребывая «не в своем» времени, играют во взрослых. Лишь по правилам этого «спектакля жизни» шестилетняя Соня с прелестным личиком и кудрявой головкой может произнести свою реплику с непередаваемым жеманством: «Нехороший человек этот Филипп Филиппыч... Вчера входит к нам в детскую, а я в одной сорочке... И мне тало так неприлично!» Нешуточные страсти между участниками этого спектакля (Андрей бьет карапуза Алешу по голове, тот пухлой ладошкой отвешивает обидчику пощечину, чувствительная Соня тут же заплакала, через мгновение ревут все) гаснут столь же быстро, как и возникают. Еще не высохли мордашки от слез, а уж все хохочут и Соня хлопает в ладоши от радости.

Не случайно в этот мир заказан вход чужим. Гимназист Вася (ему лет четырнадцать, в глазах детишек он совсем взрослый) просит принять его в игру. Он даже предлагает целый рубль (!) в обмен на десять копеек. Малыши непреклонны: «Нет, пожалуйста! Уходи!». Девятьсот процентов прибыли — это будет считаться выгодным и удачным в их грядущей жизни. А нынче — театр, в котором маленькие играют взрослых, оставаясь безгрешными и простодушными в помыслах. А занавес в этом прекрасном спектакле — сон. Сладкий детский сон вповалку на материнской кровати.

Повесть Чехова «Степь» — самое «волшебное» произведение писателя. Герой этой повести — девятилетний Егорушка — едет со своим дядей в губернский город поступать в гимназию. Дядя отправляется по делам торговым, купеческим, и часть пути мальчик проводит на одном из огромных возов, груженных тюками с шерстью. Степь — безмерное пространство, древняя, высохшая от зноя земля. То ли оттого, что Егорушка, сидя на тюках высоко над землей, видит все по-особому, то ли от зноя, то ли от однообразия мерного, неспешного хода возов, — но все окружающее представляется мальчику исполненным особого, тайного смысла. Иногда они останавливаются у редких хуторов, и встречи с людьми, населя-

ющими эту землю, волнуют и тревожат душу ребенка. Хозяин этого края — некий Варламов, купец и богач, владелец несметных отар.

О нем спрашивают разные люди, его ищут по неотложным делам, а он неуловим и таинственен, и Егорушка невольно наделяет Варламова способностью исчезать и появляться, ускользать от погони и растворяться в дрожащем степном мареве. Посреди безмерной жизни живет еврейская семья — два брата, один из которых, Соломон, — безумен.

...рное, только на древней, пустынной земле представитель библейского племени может испытать потребность обрести изначальную, первородную свободу. Соломон, к горестному удивлению своего брата, совершает поступок столь нелепый и дикий в представлении любого еврея, что только полная утрата рассудка может если не оправдать, то объяснить то, что он сделал: он сжег деньги. Свою долю наследства, шесть тысяч рублей — огромную по тем временам сумму — Соломон своими руками отправил в печь. Лишь праведники и безумцы могут вступать в диалог с Богом напрямую, без посредников и свидетелей. Итог подобной свободы — одиночество, цена ей — гордыня...

Егорушка не умом, но душой постигает странности людей и природы. Однажды откуда-то возникла прекрасная женщина—графиня Драницкая — и поцеловала засыпающего мальчика. Волшебная красавица тоже ищет Лиственный Варламова и, не найдя, исчезает столь же внезапно, как и появилась. Чехов бережно провожает своего героя до крайних пределов степи, приводит в город, где люди, дома и деревья обретают привычные очертания. Волшебство прошло, Егорушка горько плачет. И писатель оставляет ребенка наедине с жизнью: «Какова-то будет эта жизнь?»

«Ванька Жуков, девятилетний мальчик...». Так начинается рассказ Чехова «Ванька», известный, наверное, каждому грамотному человеку в России. Если предыдущие повествования Чехова можно было бы условно обозначить как «радостное» и «волшебное», то рассказ про Ваньку печален. И вся грусть незамысловатой истории о том, как деревенский мальчонка, отданный в подмастерье к сапожнику, умоляет дедушку забрать его домой, в деревню, заключается в том, что письмо Ваньки не дойдет до адресата. Никогда. Пьяница сапожник будет и впредь избивать почем зря мальчика, морить его голодом, мучить и унижать — Константин Макарыч не узнает об этом и не вызволит внука из беды.

Это так и не так.

Это так, потому что Ванька простодушно поверил рассказам сидельцев из лавки, что письмо нужно опустить в специальный ящик, откуда оно попадет к лихим ямщикам, которые на своих тройках развозят почту по всей России. Но так как адреса дедушки Ванька не знал и, что главное, не знал, что адрес нужен вообще, то и написал, минуя все бюрократические правила, от сердца к сердцу — «на деревню дедушке».

Это не так, потому что Ванька все сделал правильно. Есть письма, а есть письмена. Между ними такая же разница, как между отделением связи и мирозданием. Великий русский писатель, склонившись к лавке, на которой лежит припасенная мальчонкой бумага, осторожно водит детской рукой, сочиняя письмо ко всем на свете, кто прочитает слова, исполненные детской печали, горше которой на свете нет. Бывают послания, которые оставляют потомкам, закладывая их в фундаменты зданий и памятников. Случается, отправляют к звездам в надежде обрести братьев по разуму. Или, запечатав письмо в бутылку, бросают в море — может, нашедший ее узнает, какая беда случилась с автором послания. Я думаю, Ванька в этом ряду — первый. И самый главный, хотя и самый маленький. Потому что в одиночестве и беззащитности ребенка повинен весь мир. Ему, миру, и отправлено письмо.

Ванька Жуков, отправив свое послание всем и навсегда, крепко засыпает. Егорушка подолгу спит на возу с мягкими тюками. Спят детишки после игры в лото. Детский сон, слаще которого нет ничего на свете, охватывает всех малышей чеховских рассказов. Кроме одной девочки, Варьки, которая почти не спит, и это составляет весь ужас ее детской жизни. Рассказ так и называется — «Спать хочется». Весь день тринадцатилетняя Варька чистит, моет, убирает, бегаёт в лавку, ставит самовар, топит печь и делает много других работ. И все это время ей ужасно хочется спать. Но когда все дела сделаны, расходятся гости и хозяйева, у

которых она в служанках, укладываются на ночь, раздаётся последний приказ: «Варька, покачай ребенка!» Варька качает колыбель и напевает «Баю, баюшки, баю...». Как только она, не выдержав пытки бессонницей, задремывает, ребенок начинает плакать. Варька вновь качает колыбель, вновь поет... Так проходит вся ночь. А утром начинается круговерть дел, работ по дому: «Варька, сбегай в лавку», «Варька, вымой полы», «Варька, почисти хозяину калоши...». Варька чистит, и ей хочется спрятаться в теплой, мягкой глубине галоши, свернуться там калачиком и уснуть крепко и сладко. Поздно вечером, когда хозяева засыпают, она вновь на своем мучительном посту: «Баю, баюшки, баю...» Измученная девочка впадает в беспамятство. Она пытается понять, что ей так мешает в этой ужасной жизни, что не дает видеть сны, что впивается в мозг, мучает и терзает ее. И, напрягая больное сознание, догадывается, что источник всех ее бед, всего зла, усталости и тоски — в колыбели: «Смеясь, подмигивая... Варька подкрадывается к колыбели и наклоняется к ребенку. Задушив его, она быстро ложится на пол, смеется от радости, что ей можно спать, и через минуту спит уже крепко, как мертвая...»

XX век — век без А.П.Чехова — был до краев наполнен человеческими бедами, горчайшие из которых — детские. Беззащитные, неразумные и слабые — они и есть крайние в безжалостных схватках вероломных и жестоких взрослых.

А.П.Чехов всегда чуждался пафоса, громких слов и обличений. Поэтому дадим слово герою Ф.М.Достоевского, человеку страстному и безоглядному в жажде справедливости и добра — Дмитрию Карамазову: «Нет, нет... ты скажи: почему это стоят погорелые матери, почему бедны люди, почему бедно дите, почему голая степь, почему они не обнимаются, не целуются, почему не поют песен радостных, почему они почернели так от черной беды, почему не кормят дите?»

Страшная картина несчастных детей, погорелых изб и измученных женщин привиделась Мите во сне, поэтому и вопрос его обращен вроде бы ни к кому. Но на самом деле — ко всем. Ко всем нам. И думается мне, если не ответим Мите — пропадем.